

Ким Виктория Валентиновна

ФАНАТИЗМ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье анализируются фанатизм, нетерпимость и связанные с ними преступления, прослеживаются тенденции государства, права и религии, эволюция государственно-правовых и церковных представлений о преступлениях против веры и государства в истории европейского и российского обществ; исследуются проблемы и преступления, связанные с сектами, экстремистскими и террористическими организациями; делается вывод о том, что фанатизм является фактором преступления деструктивных групп.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 92-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 172.3

Исторические науки и археология

В статье анализируются фанатизм, нетерпимость и связанные с ними преступления, прослеживаются тенденции государства, права и религии, эволюция государственно-правовых и церковных представлений о преступлениях против веры и государства в истории европейского и российского обществ; исследуются проблемы и преступления, связанные с сектами, экстремистскими и террористическими организациями; делается вывод о том, что фанатизм является фактором преступления деструктивных групп.

Ключевые слова и фразы: фанатизм; нетерпимость; преступление; история государства и права; история религий; экстремизм; терроризм.

Ким Виктория Валентиновна, к. филос. н., доцент

Амурский государственный гуманитарно-педагогический университет

vkv-viktory@mail.ru

ФАНАТИЗМ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПЛЕНИЯ[©]

Величайшие распри производят меньше преступлений, чем религиозный фанатизм.

Вольтер

В общественном сознании сложилось представление о том, что многие преступления, совершенные в истории во имя разных идеалов, предпринимались фанатиками. Последние вдохновляли на преступления других либо совершали их самостоятельно. К преступлениям фанатиков относят преследование еретиков и инакомыслящих, «охоту на ведьм», деятельность инквизиторов и другие. Преступления, связанные с фанатизмом, творились людьми разного социального положения и вероисповедания. Однако сам фанатизм не был предметом юридического разговора, за фанатизм не преследовали в судебном порядке. На рубеже XIX-XX вв. некоторые психиатры и юристы заявляли о трудностях психиатрической экспертизы личности преступника – фанатика, отнесения его к психически больным или вменяемым субъектам, квалификации совершенного преступления как религиозного или уголовного [8; 15]. В разное время суд мог преследовать людей за инакомыслие, инаковерие, за убийство или избиения, связанные с вероисповеданием, в этой связи возникает вопрос: можно ли судить за фанатизм? Ответ на него может дать анализ истории и современного состояния государства и права. Изложенные в статье данные не претендуют на полноту, рассматриваются основные направления развития, территориально ограниченные европейскими государствами и Россией.

В уголовном праве согласно Уголовному кодексу РФ (1996 г., далее – УК РФ) под преступлением понимается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [19]. Как оно связано с фанатизмом? Последнее представляет собой социальное чувство, которое может быть «катализатором» преступления. Современное право не применяет понятие «фанатизм», поскольку оно носит оценочный, негативный характер и используется чаще в религиозной сфере, что стало результатом эволюции государства и права.

С момента своего возникновения государство, исходя из первостепенности сохранения целостности и незыблемости своего существования, формулирует основные угрозы и пытается пресечь их распространение с помощью введения понятия преступления. И первыми преступлениями, значимыми для власти, были названы преступления против государства и веры. Вера и закон, государство и церковь в истории идут по пути постепенного разграничения сфер влияния. Изначально государство контролировало все вопросы, могущие принести ему вред, в том числе и вопросы веры. Эволюция государственно-правовых институтов шла по пути укрепления государственной власти. Началась эта традиция с римского императора Константина в IV в., а примерно с XVI в. государства постепенно освобождались от церковного влияния.

В античном обществе, которое ввело понятия патриотизма и отечества (*terra patria* – земля отцов), где земля гражданской общины освящалась богами языческого культа, возникает государственно-правовое преследование по религиозным основаниям. Связь между родной землей, богами и человеком была прямая, что приводило к разрушению храмов противниками во время военных действий и к уничтожению верований. Человек получал веру в богов с момента рождения и не испытывал сомнений в ее необходимости, колебания считались преступлением и карались [9, с. 21-22]. Декретом Сената (186 г. до н.э.) были запрещены вакханалии – дionисийские обряды из Фракии и Греции, а их последователей подвергали жестоким наказаниям; изгонялись иудеи и халдеи (139 г. до н.э.); в I в. до н.э. предпринимались меры против культа Исиды, галльских друидов и т.д. Следование христианству в Древнем Риме было государственным преступлением. Христиане не подвергались бы преследованию в случае почитания римских богов, принесения жертв в храмах, то есть выполнения действий, обязательных для римлян. Однако для христиан данные требования были неприемлемы, так как противоречили вере. Массовые преследования христиан начинаются во II в., когда они выходят за пределы иудейской общины и отказываются исполнять ритуалы почитания императора и римских богов.

Политическая и религиозная нетерпимости, проявление которых мы видим в античности, зачастую рассматриваются как синонимы фанатизма. Однако данные словосочетания не применяются в судопроизводстве: караются преступления против государства и веры, а нетерпимость и фанатизм можно представить как причины и/или следствия государственного преследования. При соединении религии и права, веры и закона в официальную идеологию вопрос вероисповедания может стать поводом к преследованию. К тому же любая религия проходит эволюцию в своем развитии от становления до институционализации, что сказывается на политике церкви и государства. Пока христиане подвергались преследованиям, они проповедовали терпимость к инаковерящим, так в «Дидахе» содержался призыв к христианину не уподобляться иудейской секте зилотов (ревнителю), которые отвечали римлянам в Палестине террором, не признавали никакой власти, кроме ветхозаветной теократии [Там же, с. 54]. После Миланского эдикта Константина (313 г.) христианство становится государственной религией, оформляет основные догматы и стремится очистить себя от ересей, подвергая язычество гонениям и на западе, и на востоке Римской империи.

В Византии еретики считались детьми Сатаны, поэтому по отношению к ним было более нетерпимое отношение, нежели чем к язычникам и иноверцам. Еретикам запрещались молитвенные собрания, строительства храмов, обращение в свою веру других лиц, даже рабов (эдикт Феодосия II 428 г.). В стране сложилась симфония священства и царства, которая предусматривала признание государственной властью церкви в качестве исключительно носителя религиозной истины и законодательное установление этой истины государством. Таким образом, государство вместе с христианской церковью решало вопросы исповедания как проблему государственной целостности и единства, инаковерящие рассматривались не только как вероотступники, еретики, но и как государственные преступники.

В Западной Европе сложилась иная модель сосуществования государства и церкви. Римская церковь решала вопросы веры, став выше светской власти: государственная власть сотрудничала с папством, поскольку желала опереться на церковь в государственных делах, при этом сама церковь взаимодействовала с государством, отстаивая привилегии для себя. Первые века существования церкви и варварских государств приходится на кристаллизацию основных догматов христианства в борьбе с арианством и другими ересями. Яркой страницей средневековой истории стали крестовые походы конца XI–XIII вв., целью которых было отвоевание Гроба Господнего. Римские папы объявляли всем участникам походов отпущение грехов, заранее прощая богоугодным делом все убийства и грабежи. Аналогично обстояло дело с походами на Лангедок (для борьбы с катарами и вальденсами) и другими европейскими землями. Постепенно к XIV в. среди рыцарей распространилось мнение, что географический регион их крестовых подвигов – вещь второстепенная, важнее всего – бороться с врагами Христа, где бы те ни находились. Они проявляли «странное безразличие к тому, где и с кем воевать» [16, с. 46]. Не только крестоносцы, но и вся церковь рассматривала врагов Христа как преступников, призывая уничтожить иноверцев. Этой же цели – искоренению ереси в любом виде – был посвящен создаваемый институт инквизиции.

Основание инквизиции историки церкви относят к концу XII – началу XIII в., когда папы римские передали преследование еретиков в ведение епископов (в 1984 г. Ватикан отмечал 800-летие установления «священного» трибунала). И. Р. Григулевич рассматривал ересь как оппозицию господствующей церкви, которую последняя стремится искоренить, опасаясь за свою власть. К тому же, создавая инквизицию, папство надеялось использовать ее для упрочения своих позиций по отношению к светской власти. IV Латеранский вселенский собор в 1215 г. в Риме принял постановление о борьбе с ересью, обязывающее светские и церковные власти преследовать еретиков: «Мы отлучаем и предаем анафеме всякую ересь, выступающую против святой веры, ортодоксальной и католической... Мы осуждаем всех еретиков, к какой бы секте они ни принадлежали... Следует предупредить, вызвать и в случае надобности заставить наложением канонических наказаний светские власти, какое бы положение они ни занимали, если они хотят быть верными церкви и считаться таковыми, сотрудничать в защите веры и изгонять силой из подвластных им земель всех еретиков, объявленных таковыми церковью. <...> Католики, участники крестовых походов против еретиков, будут пользоваться такими же индульгенциями и святыми привилегиями, как и те, кто оказывает помощь в освобождении св. Земли...» [Цит. по: 3, с. 85-87]. В этом постановлении были заложены основные нормы, которыми руководствовались инквизиторы.

К преследованию инакомыслящих церковь привлекала разных лиц, в том числе и абсолютно преданных ей, например Доминика де Гусмана и Франциска Ассизского, основателей монашеских орденов. Ордена должны были посвятить себя выявлению и преследованию ереси, защите папского престола от критики. Доминик и Франциск, после смерти возведенные в ранг святых, представляли собой фанатичных борцов с ересью. Их деятельность была так активна, что менее чем за двадцать лет «в Западной Европе насчитывалось уже 400 доминиканских и 1000 францисканских монастырей» [7, с. 32], причем ревностное служение их последователей было более фанатичным, чем у самих основателей орденов.

В разные годы к инквизиционному производству были добавлены в европейских странах королевские постановления. Так, во Франции в 1268 г. Людовик IX принял ордонанс, по которому полагалось особое наказание за богохульство, в 1547 г. был принят эдикт Генриха II о сожжении на кострах всех протестантов. И даже в XVII в. в Уголовном ордонансе Франции (1670 г.) высшими преступлениями в системе норм королевского уголовного права считались преступления в высшем оскорблении – божественном либо человеческом, то есть их отнесли к наиболее тяжким преступлениям, охране прав государства и короля, церковных и государственных порядков. В Германии в 1532 г. было принято право Каролины, в которой также выделялась группа преступлений против религии – богохульство, кощунство, колдовство.

В XIV в. к преследованию еретиков добавилось гонение на ведьм и колдунов. В 1326 г. папа римский Иоанн XXII издал буллу «Super illius specula», по которой все случаи колдовства подлежали расследованию в суде инквизиции. Судебные процессы над ведьмами и колдунами продолжались в Западной Европе до середины XVII в. В итоге инквизиционные суды преследовали за ересь и колдовство, причем фанатиками могли быть как сами инквизиторы, так и обвиняемые, что придавало особую жесткость и неподкупность первым и упорство в своих убеждениях вторым. С обеих сторон ведущим мотивом был страх (перед богом, церковью, инквизиторами, другими людьми). Судьи представляли собой истинноверующих фанатиков, с другой стороны находились еретики, сектанты и т.д., такие же фанатично верующие. При этом нужно учитывать, что истина как результат судебного процесса никого не интересовала. Для суда достаточно было признания собственной вины обвиняемым, которое зачастую получали под пытками, действовали два принципа: презумпции виновности и греховности обвиняемого. В конце XV в. был создан «Молот ведьм» (Я. Шпренгер, Г. Инститорис, 1486 г.), где были собраны описания пыток, которые могли применять в судопроизводстве инквизиторы [21]. Количество жертв, казненных по обвинениям в ереси, колдовстве и ведовстве, по разным оценкам превышает тысячи человек. Таким образом, инквизиционное судопроизводство осуществлялось фанатиками в отношении таких же фанатиков в атмосфере страха и подозрительности, накал которых снижался после принесения жертв в виде казней.

Реформация и религиозные войны поставили вопрос о религиозном преследовании на новую высоту. В 1555 г. был принят Аугсбургский договор, в германских землях было закреплено правило «*cuius regio, ejus religio*» («чья страна, того и вера»). Однако религиозный конфликт на этом не был завершен, в 1572 г. во Франции в Варфоломеевскую ночь было убито почти 2 тыс. гугенотов. В разных странах в зависимости от того, кто победил, подвергались преследованию католики (Нидерланды, Швеция, Англия), протестанты-пуритане в Англии, во Франции преследовались то католики, то кальвинисты.

Однако постепенно дела о преступлениях против веры передавались в ведение уголовного законодательства, чему способствовали гуманистические идеи Возрождения, секуляризация, взгляды просветителей, формирование понятий о свободе совести и свободе вероисповеданий. Во Франции еще на рубеже XV-XVI вв. была отменена духовная юстиция в гражданских и уголовных делах. В 1746-71 гг. в Австрии были приняты законы, устанавливающие контроль за церковной деятельностью (для ослабления влияния римской курии). «Почти одновременно во многих странах были изданы законы о терпимости разных исповеданий (Пруссия, 1781 г.), об уравнивании всех христиан в правах (Австрия, 1781 г.), о свободе вероисповедания для нелютеран (Швеция, 1781 г.), о религиозной свободе (Дания, 1771 г.), об уравнивании прав протестантов (Франция, 1787 г.)» [14]. Таким образом, государства в Западной Европе освобождались от церковного влияния.

Вопросы веры постепенно уходили в сферу частных интересов: вопросов свободы совести и вероисповедания, и поэтому преступления сектантов с XVIII в. подпадают под юрисдикцию уголовного судопроизводства. Например, члены секты конвульсионеров во Франции (1756-60 гг.) совершили преступление: распяли двух сестер, виновные были арестованы полицией и посажены в тюрьму. В начале XIX в. в Австрии (1817 г., деревня Ампельцванг) появилась секта последователей священника Пешеля, который проповедовал, что Христос живет в сердце человека, если вынуть сердце из груди – то можно увидеть, кто в нем – Христос или Сатана. Не явившихся на службу считали служителями Сатаны и убивали, что и случилось с жителями деревни (убили 2 стариков и девочку 12 лет). На следующий день была убита еще девушка, на которую выпал жребий. Судопроизводство по данному делу длилось 14 месяцев, но суд «не решился вменить им в вину совершенные убийства» [8, с. 9], подследственные заявляли, что совершили убийство по приказанию свыше, их освободили под строгое наблюдение. Фанатичный экстаз, который сопровождал преступления, в начале XIX в. воспринимался как свидетельство психической болезни. Таким образом, в XIX в. еще не было выработано единства в принятии решений в отношении фанатиков, юристы и психиатры колебались в определении нормы или патологии, отнесении фактов проявления фанатизма то к юрисдикции уголовного суда, то к ведению психиатрии [15, с. 22].

В развитии взаимоотношений между церковью и государством в России наблюдаются похожие процессы с Западной Европой, Указами князя Владимира (конец X в.) и Ярослава Мудрого (1120 г.) рассматриваются преступления против религии и церкви, устанавливается церковная юрисдикция [1, с. 19], к ним также добавляются «ведьмовство и волхвание» (деятельность знахарей) и другие. В основных законодательных актах XV-XVI вв., к которым относятся Судебники, не упоминаются преступления против веры. Начиная с Соборного Уложения (1649 г.), в уголовное законодательство вводится раздел, посвященный преступлениям против церкви (которые были до этого объектом церковного законодательства). Нормы этого раздела применяются в связи с религиозной реформой Никона, вызвавшей церковный раскол. Государство прошло несколько этапов в развитии норм в отношении старообрядцев и иных сектантов: преследования (1655-1763 гг.) сменялись некоторым признанием прав. В наказе Екатерины II (1763 г.) признавалось, что преступления против веры – это тоже преступления, при этом императрица выступила за полную веротерпимость (§ 79). А в 1825-83 гг. раскольники вновь подлежали уголовно-полицейскому преследованию (и лишь во время правления Александра II старообрядцы получили полный объем прав). В 1905 г. был провозглашен манифест «Об укреплении основ веротерпимости», который облегчал отправление культа для тех, кто не исповедовал православие.

Старообрядчество изначально рассматривалось как государственное преступление, поскольку раскольники открыто говорили о том, что Петр I – антихрист; преследование раскольников привело к ответным вспышкам фанатизма в виде самоожжения. Многочисленные акты самоожжения старообрядцев, по мнению некоторых авторов (Я. Г. Есипович, А. С. Пругавин и др.), совершались в порыве отчаяния, поскольку «их ждали багоги, тюрьма, а при упорстве смерть на костре» [8, с. 22-23], самоожжение воспринималось и как «ослепление

суеверием». Указы 1835 и 1842 г. делили раскольнические секты на группы: менее вредные, вредные и вреднейшие; сектанство «трактовалось как явление новое, нетерпимое и вредное для государства» [10, с. 137]. К менее вредным относили поповщину; к вредным – беспоповские секты (принимающие брак и молитву за царя); к вреднейшим – иудействующих, молокан, духоборов, хлыстовщину, скопцов, беспоповские секты (отвергающие брак и молитву за царя) [8, с. 79]. Затем это деление пересматривалось при Александре II в 1864 г.

В XIX в. преступления разных раскольнических сект рассматривались уголовными судами. В Уложении о наказаниях (1845 г., 1885 г.) в разделе II «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» упоминаются «заблуждения фанатизма», «принадлежность к сектам, соединенным со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или ближних» [20] как причины преступлений (ст. 178-206 Уложения 1885 г.). А. А. Левенстим рассматривал фанатизм как один из факторов преступления, которые в XIX в. определяли как уголовные. Он приводит в пример раскольническую секту, секту беспоповскую, члены которой отвергают брак и молитву за царя, «эти секты ставят себя прямо во враждебное отношение к правительству» [8, с. 24-27] – это секта бегунов или странников. Сама секта была открыта только в середине XIX в., когда в отношении членов секты были возбуждены уголовные дела об убийствах, так как они придерживались особого обряда – «красная смерть» (название обряда произошло от красной подушки, которой душили человека). По некоторым сектам принимались особые постановления, например о хлыстах – Сенат в решении по делам хлыстов Тарутинских (1895 г.), Сибирских (1892 г.) и Екатеринбургских (1892 г.) называет эту секту изуверской в случае «умерщвления... младенцев и причащения их кровью» и др. [Там же, с. 43]. В отдельные случаи выносятся преступления, совершенные при посредстве фанатизма других. Например, в 1870 г. под Москвой в селе Гуслицах монах по имени Илья проповедовал конец мира, твердил о необходимости покаяния. Голодание в сочетании с непрерывной молитвой привели последователей к физическому истощению, чем и воспользовался монах, обокрав их. Также в Уложении были предусмотрены карательные статьи «о ересьях и расколах», которые запрещают распространение и создание новых сект (ст. 197), распространение скопчества, ереси и раскола путем насилия (ст. 200), оскотление (ст. 201, 202) и т.д. Сенат настаивал, что карать нужно за доказанные факты, а не за религиозные убеждения, привлекать к ответственности за деяния, совершенные подсудимыми [Там же, с. 83]. Сам А. А. Левенстим считал, что «деяния фанатиков настолько ужасны, мотив, который вызвал целое кровопролитие, обыкновенно настолько несообразен, что суд по многим делам будет вынужден потребовать заключение врачей – экспертов относительно состояния умственных способностей обвиняемых» [Там же, с. 86]. Преступления современных фанатиков, в первую очередь религиозных, также требуют психиатрической экспертизы обвиняемых.

Во второй половине XX в. преступления, направленные против веры и государства, совершались экстремистами и террористами, чья деятельность зачастую приобретала фанатичный характер. Всплеск активности групп пришелся на 1960 и последующие годы (в США действовали «Черные пантеры», движение «Власть черных»; на Ближнем Востоке появились многочисленные палестинские организации – «Палестинский народный фронт» и др.; в Западной Европе: ЭТА в Испании, ИРА в Северной Ирландии, «Фракция красной армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии; «Японская красная армия» в Японии). Многие из экстремистских организаций в своей идеологии руководствовались не только националистическими, но и религиозными мотивами. В это же время западный мир сталкивается с проблемой деструктивных культов (новых религиозных движений). Так, 20 марта 1995 г. адепты секты «АУМ Синрикэ» произвели теракт на нескольких станциях в метрополитене Токио с использованием боевого отравляющего вещества – газа зарин, в результате чего пострадало около 5,5 тысяч человек и 11 человек погибло. В настоящее время секта существует как организация АЛЕФ и продолжает вербовать сторонников, активно используя Интернет.

Руководители и члены религиозных организаций, например «Церкви объединения» (Сан Мен Мун), «Церкви саентологии» (Рон Хаббард) и др., могут быть привлечены к ответственности только в случае нарушения норм, зафиксированных в законе (например, двоеженство, мошенничество (которое чрезвычайно сложно доказать), нарушение общественного порядка). Связано это с действующими практически во всех странах мира законами о свободе совести и вероисповедания (в РФ – 1997 г.) и существующими пробелами в законодательстве. Вопрос об уголовном преследовании сект не ставится, поскольку ни в зарубежной, ни в российской правовой практике нет понятия «секта». К тому же использование разных психотехник в деструктивных культах приводит к манипулированию сознания неопитов и затрудняет привлечение к ответственности организаторов культов, поскольку неопиты подтверждают добровольность своего участия в организации. Наиболее близкое к секте понятие было зафиксировано в УК РСФСР 1960 г. В главе 4 «Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан» Особенной части была статья 143.1 «Организация объединений, посягающих на личность и права граждан» (введено Законом РФ от 27.08.93 № 5668-1): «Организация религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий, а также руководство таким объединением... Активное участие в деятельности объединения, указанного в части первой настоящей статьи, а равно систематическая пропаганда, направленная на совершение указанных в ней деяний...» [18]. Эти положения можно было использовать для привлечения к ответственности организаций деструктивной направленности, зачастую практикующих формирование фанатизма для манипулирования неопитами. В УК РФ 1996 г. данная статья отсутствует, есть лишь ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», в которой идет речь о «незаконном воспрепятствовании деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов» [19]. С 1 июля 2013 г. вступил в силу

ФЗ № 136 от 29.06.2013 «О внесении изменений в статью 148 УК РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [12], в котором законодатель расширил уголовную ответственность за нарушение прав верующих.

Экстремизм и терроризм представляют собой социальные действия, катализатором которых может быть фанатизм. Согласно международным и национальным правовым актам (Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27.01.1977); Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 09.12.1994), Уголовный кодекс РФ 1996 г., ФЗ «О борьбе с терроризмом» от 25.07.1998 г., ред. 30.06.2003 г.; ФЗ № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 и др.) в настоящее время террористические и экстремистские преступления подлежат уголовному преследованию [4; 5; 11; 13; 19]. К примеру, часть 1 статьи 282 УК РФ будет применяться в случае, если установлены все элементы состава преступления, в частности, если в объективной стороне определено наличие хотя бы одного из следующих признаков: «1. направленность на возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды; 2. действия, направленные на унижение национального достоинства; 3. пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности» [17, с. 420-421]; либо будет установлен мотив – совершение преступления «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии», при их отсутствии преступление будет квалифицироваться по другой статье (см.: ст. 282.1 УК РФ). В связи с этим интересно дело А. Брейвика (теракт в Норвегии 2011 г.: убийство 77 человек): почти год обсуждался вопрос о его психическом здоровье и признании его виновным в терроризме [2; 6]. Сам Брейвик, чья нетерпимость объективировалась в совершенных убийствах, настаивал на своем здравом уме, поскольку для него было важно подчеркнуть идеологические мотивы, ставшие причиной теракта. Современные теракты как преступления наполнены смыслом с точки зрения самих участников (их собственным рационализмом и логикой). Но для западного общества, основными принципами которого являются рационализм и критицизм, действия террористов-фанатиков с трудом поддаются осмыслению. К тому же исследователи терроризма, в попытках объяснения феномена, зачастую приписывают террористам наиболее вероятные, понятные с рациональной точки зрения, причины, что затрудняет противодействие террору.

Вместе с тем эволюция суда идет в пользу объективности и беспристрастности, что требует отстраниться от эмоциональной окрашенности действий экстремиста, террориста (количество жертв, мотивы и т.д.) и судить его за конкретные действия. При этом фанатизм по-прежнему востребован в разных деструктивных группах как способ сплочения и управления последователями, как фактор преступления. Можно ли судить за фанатизм, нетерпимость, чрезмерность? Нет, это противоречит праву, выводит нас в «поле» субъективности. Превышение чувства меры в совершенном преступлении не может быть смягчающим или отягчающим обстоятельством, суд интересуют факты. Таким образом, фанатизм, оставаясь фактором преступления, находится вне зоны действия права, что представляет собой итог длительной эволюции государства, права и общества в целом.

Список литературы

1. **Андрощук В. В.** Общий характер религиозных деликтов, их виды и место среди уголовно-наказуемых деяний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. IV. С. 18-21.
2. **Берсенева А.** Молчание тамплиера. В норвежском суде был оглашен приговор Андерсу Брейвику, признанному виновным в гибели 77 человек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2012/08/24/4736793.shtml> (дата обращения: 19.03.2014).
3. **Григулевич И. Р.** Инквизиция. М.: Политиздат, 1985. 448 с.
4. **Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма** [Электронный ресурс]: одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 09.12.1994. URL: <http://nac.gov.ru/content/3909.html> (дата обращения: 19.03.2014).
5. **Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27.01.1977)** [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/090.htm> (дата обращения: 19.03.2014).
6. **Закиров Р. С.** Суд над эсером-террористом И. П. Каляевым // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22). Ч. I. С. 75-79.
7. **Кадмин Н.** Философия убийства. М.: Грифон, 2005. 128 с.
8. **Левенстим А. А.** Фанатизм и преступление. СПб., 1898. 93 с.
9. **Логинов А. В.** Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. М.: РОССПЭН, 2005. 496 с.
10. **Миронова Е. Г.** Раскол и противодействие ему в Саратовской губернии: 1825-1866 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №1 (15). Ч. II. С. 134-137.
11. **О борьбе с терроризмом** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.07.1998 № 130, ред. 30.06.2003. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/17/30.html> (дата обращения: 20.03.2014).
12. **О внесении изменений в статью 148 УК РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.06.2013 № 136. URL: <http://www.rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2014).
13. **О противодействии экстремистской деятельности** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148972/ (дата обращения: 20.03.2014).
14. **Омельченко О.** Всеобщая история государства и права [Электронный ресурс]: в 2-х т. М.: ТОН-Остожье, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/omel/index.php (дата обращения: 19.03.2014).

15. Пельман К. Фанатизм, душевное расстройство и преступление. М., 1906. 23 с.
16. Райли-Смит Дж. История крестовых походов. М.: Крон Пресс, 1998. 495 с.
17. Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций / Г. А. Есаков, А. И. Парог и др.; под ред. А. И. Парога. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2005. 480 с.
18. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8627/ (дата обращения: 21.03.2014).
19. Уголовный кодекс РФ 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 21.03.2014).
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб.: Издано Н. С. Таганцевым, 1892. 800 с.
21. Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. СПб.: ТИД «Амфора», 2007. 528 с.

FANATICISM AS FACTOR OF CRIME

Kim Viktoriya Valentinovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy
vkv-viktory@mail.ru

In the article the author analyzes fanaticism, intolerance and crimes associated with them; retraces the tendencies of the state, law and religion, the evolution of state-legal and church ideas about crimes against faith and the state in the history of the European and Russian societies; studies the problems and crimes connected with sects, extremist and terrorist organizations; and comes to the conclusion that fanaticism is a factor of crime of destructive groups.

Key words and phrases: fanaticism; intolerance; crime; history of state and law; history of religions; extremism; terrorism.

УДК 329.17

Политология

В настоящей статье показано, что грузинский монархизм развивается как форма политического и этнического национализма. В статье анализируется, как современные монархисты развивают нарративы о картвельской уникальности Грузии и ее особой роли в регионе. Особое внимание уделено проблемам развития и трансформации российских образов в грузинском монархизме. Автор полагает, что этнонационализм современного грузинского национализма – синтетическая идеология, основанная на гражданском национализме, консерватизме, православном клерикализме и картвелизме.

Ключевые слова и фразы: Грузия; монархия; национализм; картвелизм; образы Другого.

Кирчанов Максим Валерьевич, д.и.н.

Воронежский государственный университет
maksymkirchanoff@gmail.com

ЭТНИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ГРУЗИНСКОГО МОНАРХИЗМА[©]

На протяжении уже более чем столетнего периода Грузия развивается в рамках республиканской политической модели. Республиканские институты успели обрести значительную устойчивость и легитимность в глазах общества. Это, вместе с тем, не означает того, что в Грузии не существуют альтернативные политические движения, которые развиваются на основе других, отличных от республиканизма, ценностей и идеологических принципах. Среди таких крупнейших и наиболее значительных нереспубликанских движений в современной Грузии особое место принадлежит монархизму. Современный грузинский монархизм следует анализировать как составной элемент грузинского национализма. Проблемы современного грузинского монархизма относятся к числу тем, практически неизученных в современной российской историографии.

В центре авторского внимания в настоящей статье – некоторые идеологические и программные моменты в актуальной программе современного грузинского монархического движения (представленные на официальном сайте движения <http://georoyal.ge/> и пропагандирующиеся его лидерами – Г. Мамаладзе, А. Квахадзе, Г. Хведедидзе и другими), связанные с этническими трендами в национализме. Под проявлением этнических тенденций в монархизме понимается как формирование негативного образа Другого, так и идеализация собственной идентичности.

Во-первых, в грузинском монархизме как версии грузинского национализма актуализируется и особая роль Грузии как в мире, так и в Кавказском регионе. Грузинские националисты настаивают на том, что историческим, идеологическим и политическим оппонентом Грузии является Россия, хотя грузинские монархисты стремятся популяризировать и весьма умеренные версии восприятия России, созданные грузинскими националистами (например, Григорием Робакидзе [28]) 1910-х годов. Грузинские монархисты, рассматривая Россию, склонны использовать религиозно маркированные ассоциации: в частности, Россию они воспринимают как